

Папков С.А.,
д.и.н., Институт истории СО РАН

Как чекистский аппарат шел к 1937 году

Анализ событий 1937-1938 годов. занимает значительное место в современной историографии как одно из тех направлений, где сталкиваются самые различные мнения и интерпретации. В течение последних десятилетий подробно изучены многие аспекты репрессивных акций сталинского режима, описаны причины и последствия чисток. Одновременно с этим освещались различные аспекты истории становления и развития органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, роль отдельных руководителей спецслужб.

В представленном материале содержится попытка анализа социально-политической эволюции кадрового состава ОГПУ-НКВД, включавшую в себя серию предварительных шагов к репрессиям 1937-1938 годов. Для получения полноценных выводов было бы важно обратиться к истокам большевистского мировоззрения, к тем идейным и морально-психологическим установкам, которые закладывались в массовом сознании со дня свершения революции и разрушали универсальную общественную мораль [об этом см. 1, с. 112-129]. Отдельного анализа заслуживает и выяснение исключительного влияния советской пропаганды, благодаря которой чекистские кадры обрели привилегированный статус и особые полномочия как «боевой отряд партии». Однако в данной публикации не ставится задача выяснения всей совокупности предпосылок легитимации политического насилия. Основное внимание уделяется лишь практическим действиям чекистского аппарата, сыгравшим роль своеобразного мотиватора и прецедента, начиная с событий коллективизации и заканчивая широкой кампанией террора.

1937-1938 годы, в течение которых аппарат НКВД исполнял особые приказы по проведению массовых операций, представляют собой удивительный трагический феномен новейшей российской истории. Размеры

применения государственного насилия в этот период превосходили все другие эпохи и остаются в общественном сознании как наиболее зловещие и во многом необъяснимые действия сталинских спецслужб. Однако до сегодняшнего дня часть российского общества совершенно не готово признавать ни целей, ни масштабов совершенных преступлений советского режима и продолжает считать репрессии вполне оправданным актом в отношении внутренних врагов. Из-за отсутствия трезвой и внятной политики современного государства в этой области общество переживает состояние внутреннего раскола, и многие люди не находят в осуждении сталинизма убедительных доказательств.

Сегодня мы располагаем двумя видами информации, ясно подтверждающими особый характер действий советских карательных органов известных как Большой террор. Во-первых, это многочисленные научные исследования, основанные на детальной официальной статистике и первичных документах, не оставляющих сомнения в преступном характере сталинизма и его спецслужб. Статьи, монографии и документальные издания дают исчерпывающие сведения для правильных выводов и оценок, желающим разобраться в сути событий прошлого. Во-вторых, это – Книги памяти жертв политических репрессий – оригинальные справочники первичного характера, восстанавливающие все циклы террора на уровне каждого региона. К настоящему времени составление Книг в ряде областей полностью завершено, а в других еще продолжается. Так, в Омской области уже изданы 11 томов со списками жертв; в Алтайском крае – 6 томов в семи книгах; в Красноярском крае – 14 томов; в Новосибирской области – пока только 5 томов (работа продолжается). Аналогичные издания опубликованы и в других областях страны.

Важнейший характерный признак советских карательных акций спецслужб выражается прежде всего в самих размерах насилия. Это отличительное свойство режима уже в первые месяцы большевистского переворота производило шокирующее впечатление на современников и

подавляло человеческую волю к сопротивлению. Так зарождались прецеденты и политические основания для безмерного применения репрессивного аппарата в коммунистическом государстве.

Вот что отмечал в своем дневнике в 1918 году писатель Иван Алексеевич Бунин, изумленный и пораженный сообщениями советских газет о массовых казнях «врагов революции»:

«Давеча прочитал про этот расстрел двадцати шести как-то тупо. Сейчас в каком-то столбняке. Да, двадцать шесть, и ведь не когда-нибудь, а вчера, у нас, возле меня. Как забыть, как это простить русскому народу? А все простится, все забудется. Впрочем, и я – только стараюсь ужасаться, а по-настоящему не могу, настоящей восприимчивости все-таки не хватает. В этом и весь адский секрет большевиков – убить восприимчивость. Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, – перешагни же меру. Это – как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу – и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как семь повешенных?! – Нет, милый, не семь, а семьсот!» – И уж тут непременно столбняк – семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!» [2, с. 52].

Превращение аппарата ОГПУ-НКВД в институт массового террора не могло произойти одномоментно, без серии предварительных мер и условий, подготовивших его к роли коллективного палача в кампании 1937-1938 годов. Потребовалось время и особые обстоятельства, чтобы в огромной стране вызрела атмосфера своеобразной новой гражданской войны и классовой непримиримости, создавшая почву для сотрудников спецслужб по исполнению преступных приказов в отношении отдельных общественных групп.

Следует учесть, что после Гражданской войны и умеренных реформ периода нэпа аппарат ОГПУ-НКВД значительно обновился. Многие старые чекисты были уволены со службы, часть из них переведена на пенсию,

другая пристроена на мелкие должности в структурах госуправления. Их место заняла масса вполне обычных молодых людей без опыта бессудных классовых расправ, ночных обысков и конфискации – так называемые «выдвиженцы» из комсомола, профсоюзов или рабочих коллективов, не обремененные грузом образования и нормального социального развития, но вполне усвоивших ряд политических и морально-этических норм большевистского толка. Именно этой категории служащих НКВД, заполнивших оперативные отделы, предстояло сыграть роль главных исполнителей тайных приказов и приговоров в кампании Большого террора.

Отмечая основные фазы развития аппарата ОГПУ-НКВД, подготовивших террор 1937 года, можно отчетливо выделить три периода. Первый из них относится к эпохе коллективизации. Этот был один из самых важных этапов «профессионального роста» и вызревания чекистских кадров новой генерации.

В ходе сталинской «борьбы за колхозы» многим чекистам из региональных аппаратов впервые пришлось столкнуться с настоящим «классовым врагом» и получить необычные практические навыки. Под руководством зрелых чекистов-коммунистов в деревню были направлены сотни молодых оперативников для выполнения заданий по вскрытию «кулацких формирований» и ликвидации противников раскулачивания. Их действия сводились к организации массовых арестов крестьян, конфискации их имущества, проведению депортации в отдаленные регионы страны и насаждению в деревне агентурной сети из числа сельских активистов. Картины развернувшегося насилия в деревне с участием чекистского аппарата и разнообразного «деревенского актива» представляют собой шокирующие описания, вошедшие в официальные и неофициальные документы периода 1929-1933 годов.

В кампании коллективизации в деревне присутствовал также еще один очень важный «чекистский» элемент. Он заключался в особой деликатной функции, причастность к которой имел лишь кадровый оперсостав ОГПУ:

кроме основных задач «вскрывать» и «ликвидировать» «кулацкие организации» каждый оперработник обязан был участвовать в конечной процедуре «ликвидации кулаков» – приведении смертных приговоров в исполнение. Расчет на, что в расстрельной команде должны были побывать *все* сотрудники оперативных отделов, имеет немало документальных подтверждений. Так, например, на следствии в 1939 г. один из сотрудников НКВД по фамилии Горшенин, работавший в начале 1930-х в Барабинском окротделе в Западной Сибири, свидетельствовал: *«В наряды по применению ВМН посылались все без исключения, я как секретарь, лицо не оперативное, или мой делопроизводитель Нечаев, также участвовали в этих операциях. Мне даже быв. начальником окротдела Плаховым поручалось иногда оставаться на яме и быть старшим среди оперативных работников окротдела ОГПУ, дабы не допускать безобразий (не было бы у ямы пьяных сотрудников и т.д.)»*¹.

Требование соучастия в казнях являлось своего рода чекистской нормой, важной частью служебного долга и карьерного продвижения. Подобный варварский ритуал прочно связывал чекистский аппарат, формируя круговую поруку и замкнутую криминальную группировку в виде «сплоченных коллективов» на территории действия ячеек ОГПУ. Таким способом режим создавал надежный инструмент для достижения целей по искоренению многочисленных противников. Только за 1930 год в СССР по решению «троек» при региональных управлениях ОГПУ были расстреляны почти 19 тысяч человек, большинство из которых – около пяти тысяч – казнено в Сибири. [5, с. 287]

Проведение коллективизации и «ликвидация кулаков» вызвали к жизни и другие чекистские новации. В 1930 году была существенно реорганизована структура самого аппарата ОГПУ: губернские и окружные отделы ОГПУ

---

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО) Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 44 об.

заменены оперативными секторами, численность которых значительно превзошла сеть прежних региональных отделов. Они стали действовать едва ли не во всех городах. Только в Западной Сибири их количество составило не менее 14 единиц. В итоге повысилась мобильность аппарата, ускорилось исполнение решений руководящих органов, но главное – существенно выросло чекистское влияние и контроль во всех сферах местной жизни. В кампаниях репрессий 1930-х годов оперсекторы ОГПУ-НКВД сыграли роль основных опорных пунктов режима, где концентрировались тысячи арестованных и производились массовые казни, а их аппарат стал решающим фактором исполнения особых приказов. Оперсекторы действовали до 1938 года, а по завершении кампании террора их сотрудники были включены в состав областных и краевых управлений или городских отделов.

Расширяя поле оперативной деятельности в ходе коллективизации, органы ОГПУ проникли в самые нижние слои российского общества, где внедрение большевистских форм социализма шло наиболее трудным путем. Колхозная система оказалась совершенно чуждой большинству крестьян, поэтому чекистский аппарат должен был стать дополнительным средством давления в деревне, чтобы заставить крестьян и колхозных начальников отдавать свой урожай государству. В январе 1933 года по решению ЦК ВКП(б) в стране был учрежден институт специального надзора для колхозов – политотделы при МТС и совхозах. В структуру каждого политотдела входил представитель ОГПУ на правах заместителя начальника. Его задачей было создание в деревне сети секретных сотрудников и осведомителей для содействия поискам «скрытой контрреволюции» и «саботажников». Как другие чекисты, работники ОГПУ при политотделах действовали по всем правилам конспирации. Их деревенский аппарат состоял из трех частей: «резидентов» (обычно – 3-4 работника), «спецосведомов» (7-9 человек) и «общего осведомления». В совокупности штат тайных агентов ОГПУ в каждом политотделе насчитывал 25-30 человек [6, с. 83].

Политотделы и их чекистские подразделения провели широкую кампанию по устранению «враждебных» и «вредительских» элементов в сельхозпредприятиях и объединениях. Только в Западносибирском крае за второе полугодие 1933 года (по неполным данным) они сумели обнаружить более шести тысяч «классово-враждебных элементов», из которых 1109 человек были отданы под суд, а 1025 исключены из колхозов и высланы. Кроме того, ОГПУ арестовало в крае и приговорило собственным судом за хищения в колхозах 1128 человек [6, с. 85].

Шаг за шагом выработывалось взаимодействие органов ОГПУ с советскими и партийными учреждениями, чекистская практика наполнялась новыми приемами скрытых операций и использования внесудебных полномочий.

Другой важный комплекс событий, сыгравший свою роль в эволюции чекистского аппарата и его продвижении к массовым операциям 1937-1938 годов, был связан с ликвидацией «вредителей» в отраслях экономики, разгромом «буржуазных националистов» в национальных анклавах, устранением остатков антибольшевистских элементов и разного рода «бывших людей» из советских учреждений. Этот цикл чисток также проводился в форме широких чекистских кампаний, в ходе которых арестам и расстрелам подверглась огромная масса специалистов различных отраслей экономики, учреждений культуры и образования. Были разгромлены многие исследовательские центры и группы, связанные с сельским хозяйством, промышленностью, управлением и добывающими отраслями. Аппарат ОГПУ действовал с высоким напряжением и численно разрастался, получая очередную порцию профессионально-психологической и политической «закалки».

В то время как на поверхности, в публичном пространстве, начиная с 1928 года, населению СССР и окружающему миру демонстрировались открытые судебные процессы над небольшими группами «вредителей» («Шахтинское дело», «Промпартия», «Союзное бюро меньшевиков» и др.), в

стране тайно уничтожались тысячи других специалистов как «контрреволюционеры» и «вредители». Некоторые чекистские отчеты, полученные на основании событий в Сибири, позволяют увидеть часть той общей картины террора, которая сопровождала большевистское переустройство в стране. Так, летом 1933 г. полпред ОГПУ по Запсибкраю Н.Н. Алексеев на краевом партийном совещании докладывал: *«Кроме организации, вскрытой в системе МТС, мы имели параллельные, соединенные с ней официальные группы, которые были раскрыты почти во всех наших животноводческих трестах. В совхозах мы также имели чрезвычайно большое количество подрывных ячеек. Всего по делу этой контрреволюционной сельскохозяйственной организации нами было арестовано примерно 2 100 человек. Из них по приговору тройки мы расстреляли около 1 000 человек. И все это на протяжении последних пяти месяцев»*².

Таким образом, только в рамках одной лишь указанной «организации» были подвергнуты казни почти 50 % арестованных. Привести в исполнение такое количество расстрельных приговоров можно было лишь силами немалого числа сотрудников.

Подобные грандиозные операции по изъятию «вредителей», «националистов» и «исторической контрреволюции» в начале 1930-х годов определенно прибавили кадровому составу спецслужб опыт организации массовых чисток с внесудебными процедурами и преодоления всякого рода моральных ограничений. Сами понятия «аресты» и «расстрелы» уже с этого периода приобрели почти обыденный характер и стали частью политического лексикона даже открытых партийных совещаний и официальной печати.

Наконец, еще одной фазой развития террора и закрепления новых понятий и принципов в коллективном сознании чекистского аппарата послужил переход к уничтожению части самой коммунистической партии,

---

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 450. л. 219.

прежде всего ее бывших оппозиционеров и связанных с ними людей. Решающие акции как результат этого перехода развернулись после распространения в структурах партии и НКВД закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», содержание которого убеждало в том, что бывшие оппозиционеры окончательно скатились на позиции террористов, поэтому ближайшей задачей партии становится их физическое уничтожение. [3, с. 111].

Нельзя сказать, что аресты коммунистов за участие в оппозиции или за поддержку ее сторонников до сих пор были большой редкостью. К середине 1936 года аппарат ОГПУ-НКВД уже ликвидировал множество внутрипартийных групп различного толка, изолировав их участников в ссылке. Однако никогда прежде не проводилось такой универсальной чистки оппозиционеров, как с осени 1936 года.

Реализация указаний письма ЦК ВКП(б) от 29 июля положило конец существованию оппозиционных элементов внутри партии и за ее пределами. В течение года была полностью ликвидирована политическая ссылка в стране, а все ее обитатели арестованы и отправлены в лагеря ГУЛАГа, откуда возврата больше не было. Но еще больший эффект внутри партии произвели аресты бывших сторонников оппозиции, включая и тех, кто считался прощенным и занимал видные руководящие посты в отраслях экономики. Только в Западносибирской парторганизации по итогам обсуждения письма ЦК ВКП(б) были исключены из партии 142 «троцкиста и зиновьевца, их соучастники и покровители». Одновременно органы НКВД смогли «раскрыть» в крае 11 «троцкистско-зиновьевских контрреволюционных организаций и групп», самой значительной их которых признавалась организация под названием «Сибирский троцкистский центр» во главе с видными большевиками, соратниками Ленина – Мураловым, Богуславским и Дробнисом [6, с. 172-173].

«Троцкистско-зиновьевские», а затем и «правотроцкистские террористы» в рядах ВКП(б) действительно были чем-то новым для аппарата НКВД, воспитанного непрерывной борьбой с «классовыми» врагами. Теперь же возникала совершенно иная морально-политическая ситуация, отличная от прежних условий. Привычные классовые мерки и стигматизация «врагов» по старым правилам становились неактуальны и отходили на второй план. Границы предстоящей оперативной «работы» размывались и вызвали замешательство из-за того, что враг поменял свой облик и род занятий. Он неожиданно проявился теперь в самой партии и даже обнаруживался в собственных рядах НКВД.

О принципиальном отличии нового типа врага и сложном психологическом сдвиге в чекистской среде в этой связи свидетельствуют некоторые документы. Вот показания бывшего заместителя начальника управления НКВД по Новосибирской области К.К. Пастаногова* в ходе следствия 1939 года:

«За весь период моей работы в органах ОГПУ-НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, никогда ни на йоту не сомневался в ее правоте! Я не сделал политических ошибок в тот период [начала 1930-х годов – С.П.] ...потому, что и враг был отличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден! (...) Но борьба с троцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники право-троцкистской организации имели, как правило, партийный билет в кармане, внешне [выделено автором документа – С.П.] ничем не отличались от честных коммунистов, а будучи арестованными, клялись в том, что всю свою жизнь только и делали, что боролись за генеральную линию партии, а затем... рассказывали о том, как ими

---

* Константин Пастаногов был осужден военным трибуналом войск НКВД в ноябре 1940 г. к восьми годам исправительно-трудовых лагерей за «применение неправильных методов ведения следствия». В декабре 1941 г. освобожден, реабилитирован и отправлен на фронт. Участвовал в специальных операциях в составе партизанских групп по ликвидации оккупантов.

готовился взрыв на шахте «Центральная» в Кемерово, (...) как ими готовилось отторжение от СССР Сибири...»³.

Так, постепенно преодолевая гласные и негласные морально-политические барьеры, оперативный состав НКВД подошел к последнему рубежу – пыточному следствию, которое до сих пор допускалось лишь в редких случаях и могло рассматриваться как «эксцессы». Но с 1937 года оно получило статус узаконенного средства. Инициатором, как обычно, выступал Сталин. В январе 1939 года в шифрограмме секретарям обкомов и крайкомов ВКП(б) Сталин сообщал:

«ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (...) Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. (...) Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» [4, с. 14-15].

Это сталинское послание – документ исключительного значения. С полной ответственностью он открыто признает узаконенный характер пыток в органах НКВД как своего рода вынужденную меру. Но так как массовая операция по изъятию врагов в основном была завершена, текст обращался не к прошлому, а к настоящему. Вскрывая картину пыточного следствия в

---

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 165 об. – 166.

НКВД в минувший период, Сталин адресовал свое послание местным руководителям партийных и судебных органов в момент подготовки серии уголовных процессов над «нарушителями социалистической законности». Он требовал от них не допустить излишнего усердия с обвинениями отстраненных чекистов, а «руководствоваться настоящим разъяснением».

В ходе сталинских спецопераций 1937-1938 годов многим сотрудникам НКВД пришлось делать известный выбор: либо активно включиться в процесс реализации репрессивных «лимитов», согласно поступающим приказам из Москвы, либо самим отправиться в пыточные подвалы. Выбор был невелик, но для основной части аппарата НКВД он не представлял какой-либо проблемы: большинство уже прошло серьезную школу чекистской науки и получило необходимую служебную выучку, усвоив ряд несложных, но суровых правил соблюдения государственной дисциплины. Никаких моральных ограничений относительно массового истребления «врагов народа» и «контрреволюционеров» они уже не испытывали: аресты, пытки, расстрелы стали привычной рутинной. Те же немногие, кто представлял собой некоторое исключение, проявив колебания, сомнения или какое-либо сопротивление чистке, вполне закономерно были немедленно удалены из рядов НКВД как «пособники контрреволюции».

Список литературы:

1. Буллер А. Мораль и язык большевизма // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 1. С. 112-129.
2. Бунин И. Окаянные дни. / Неуслышанные голоса. Т. 1. – М. 2003. С. 13-116.
3. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 100-115.
4. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы высших органов партийной и государственной власти. / Сост.

- В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.
5. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 480 с.
  6. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: РОССПЭН. 2012. 440 с.
  7. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934-1941. Справочник. – М.: Звенья, 1999. 504 с.
  8. Самуэльсон Леннарт, Хаустов Владимир Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.
  9. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. – М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
  10. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. – М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.